

БИТВА ЗА ПЕНИНГРАД

1941-1944 гг.

Сборник статей

**Битва за Ленинград 1941–
1944 гг.: подвиг города-героя в
Великой Отечественной войне**

«Нестор-История»

2019

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622.1

Сборник статей

Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / Сборник статей — «Нестор-История», 2019

ISBN 978-5-4469-1593-4

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных по итогам Всероссийской конференции, проведенной в январе 2019 г. в Санкт-Петербурге и приуроченной к 75-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. В статьях, авторами которых стали преподаватели высшей школы, музейные работники, архивисты, сотрудники библиотек, аспиранты и студенты, представлена многогранная жизнь города-фронта в годы Великой Отечественной войны. Предназначено всем интересующимся историей Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда 1941–1944 гг. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622.1

ISBN 978-5-4469-1593-4

© Сборник статей, 2019
© Нестор-История, 2019

Содержание

Оборона Ленинграда и экономика блокадного города	6
«Мы живем в интересное время...» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг	6
Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944)	12
Когда началась эвакуация? Перемещение ленинградских танковых заводов на Урал летом – осенью 1941 г.[1]	16
1941 год. Промышленное производство до и после начала блокады: цели, способы, эффективность	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Битва за Ленинград 1941– 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне

Редакционная коллегия:

А. Х. Даудов, Г. П. Жиркова, Е. В. Лезик, Н. А. Ломагин, Г. Л. Соболев (отв. ред.), Е. Д. Твердюкова, А. Н. Чистиков, М. В. Ходяков

Рецензенты:

д-р ист. наук А. В. Кутузов

(Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ);

канд. ист. наук К. А. Болдовский (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

Оборона Ленинграда и экономика блокадного города

«Мы живем в интересное время...» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг

А. Н. Чистиков

(д. и. н., заведующий отделом современной истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН, tchistikov@yandex.ru)

В статье на основе опубликованных и неопубликованных документов анализируются первые попытки сбора материалов по истории блокированного Ленинграда в 1941–1942 гг. Автор приходит к выводу, что осенью 1941 – весной 1942 г. эти предложения культурной, научной интеллигенции, районных партработников не были инициированы городским руководством. Из-за общей тяжелой ситуации в городе планы не удалось реализовать. Весной 1942 г. начинается новый этап, характерной чертой которого стала организация сети комиссий разного уровня. В своей деятельности комиссии опирались на райкомы партии и работали под руководством Ленинградского института истории ВКП(б).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада.

21 ноября 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала заметку о подготовке книги «День осажденного Ленинграда». «В один из ближайших обычных трудовых дней города, – говорилось в сообщении, – ленинградские писатели и журналисты займут свою вахту в цехах заводов, на крышах домов, в трамваях и на железных дорогах, в банях и бомбоубежищах, в театрах и почтовых отделениях, чтобы запечатлеть многообразную суровую и напряженную жизнь» [6]. Книгу предполагалось наполнить фотографиями, а выпускать ее собиралось издательство «Советский писатель».

Через пять дней в Кировском райкоме партии состоялось совещание аппарата, которое первый секретарь райкома В. С. Ефремов начал со слов: «Товарищи, мы живем в такое время, когда события меняются с чрезвычайной быстротой, живем в эпоху, которую в свое время будут изучать историки...» «Вполне естественно, – продолжал он, – что историки будут искать всякий материал для того, чтобы понять <...> как это можно было в городе Ленинграде в такой тяжелый период своими ресурсами обороняться в течение такого долгого времени <.> понять, как это в четырех километрах от противника можно было работать, производить материальные ценности, изобретать и т. д., и т. д., и проводить сегодня совещание и думать об истории» [11, л. 2]. Помочь историкам, по мнению первого секретаря, можно двумя способами. Первый – «создать комиссию, пригласить разных писателей, которые бы описывали все, что происходит? – и партийная мобилизация на фронт, и добровольческое движение, партизаны, строительство укреплений и т. д. Можно создать такую комиссию, которая фотографировала строительство сооружений и т. д.» [11, л. 3]. Как видим, здесь есть перекличка с заметкой из «Ленинградской правды». Возможно, идея комиссии в переработанном виде была отсюда и заимствована. Второй способ – завести дневник работника райкома, в который каждый сотрудник заносил бы то, что ему представляется нужным и интересным. Впрочем, как вариант В. С. Ефремов рассматривал ведение общего дневника на основе индивидуальных дневников работников райкома. Обсуждение предложения первого секретаря затянулось – стенограмма заняла 18 машинописных страниц. Мнения о значении дневников разделились, но в итоге собравшиеся одобрили предложение В. С. Ефремова о создании комиссии под председательством «това-

рища Протопопова», в которую вошли представители райкома и райисполкома, и согласились произвести первую запись «сегодня вечером» [11, л. 17, 19].

Итак, в течение последней декады ноября в двух совершенно различных организациях возникает одна и та же мысль – сбор материала о жизни и обороне блокированного города. Напрашивается вопрос: были ли связаны эти события между собой каким-то общим решением, исходящим из вышестоящих кругов?

Обращение к воспоминаниям ленинградского писателя Л. Рахманова говорит о том, что это было простое совпадение во времени. Л. Рахманов еще в октябре 1941 г. вместе с писателями Е. Рыссом и В. Орловым предложил коллегам написать книгу «Один день осажденного города». Этот документально-художественный репортаж был навеян идеей М. Горького, воплощенной в коллективном труде «День мира» [8, с. 368–369], вышедшем в 1935 г. Секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей В. Кетлинская, как пишет Л. Рахманов, «пустила в ход всю свою незаурядную энергию, пытаясь доказать вышестоящим инстанциям необходимость скорее начать работу над книгой» [8, с. 370]. Но согласие было получено, по словам писателя, лишь через несколько месяцев. Видимо, здесь Рахманова подвела память: публикация в партийно-советском печатном органе Ленинграда не могла появиться без одобрения властных структур. Тем не менее работа над книгой даже не началась. Л. Рахманов, писавший воспоминания в советское время, осторожно формулирует причину: «Жизнь в эти месяцы в Ленинграде во многих отношениях как бы замерла, замерзла...» [8, с. 370]. Другими словами, это было начало того периода в истории военного Ленинграда, который позднее прозвали «смертным временем». Книга получилась бы не столько героической, сколько трагической, а это вряд ли способствовало бы поднятию морального духа горожан.

Скорее всего, не получила развития задумка и с райкомовским дневником. В изученных нами архивных делах и описях он не упоминается, равно как и в литературе. Все же некоторая работа, пусть не в форме дневника, в районе проводилась. В декабре 1943 г. на совещании районных комиссий по сбору материалов о войне председатель комиссии из Кировского района И. М. Попов сказал, что накопление материалов о восстановлении Кировского завода и города и фотодокументов о Кировском районе началось уже в 1941 г. [4, с. 258]. В данном случае вопрос о предварительной цензуре материалов, вероятно, не стоял, поскольку они не предназначались для немедленного опубликования.

Не остались в стороне от аналогичной работы и академические ученые. В конце января 1942 г. заведующий Ленинградским отделением Института истории АН СССР М. В. Левченко и ученый секретарь Е. И. Бочкарева обратились с письмом к Г. Ф. Александрову – председателю Комиссии по составлению хроники обороны Москвы, с «горячей просьбой» привлечь сотрудников ЛОИИ к работе Комиссии «особенно в части разработки истории Ленинграда в Великой Отечественной войне» [1, с. 220–221]. Однако их предложение не заинтересовало москвичей. Возможно, одной из причин стало то, что М. В. Левченко, Е. И. Бочкарева и многие из названных ими в письме потенциальных авторов находились в эвакуации и вряд ли могли не только написать историю военного Ленинграда, но даже собрать необходимый для этого материал.

Тем не менее академические ученые не собирались расставаться с этой идеей. Обсуждая в начале марта 1942 г. необходимость создания ученых советов в академических институтах, Комиссия по делам ленинградских академических учреждений решила внести в Ленинградский городской совет депутатов трудящихся предложение о создании при нем историографической комиссии из академических ученых для участия в «разработке истории II Отечественной войны» [2, с. 557]. Примерно через три недели секретарь горкома партии Я. Ф. Капустин получил письмо за подписью председателя Комиссии академика И. Ю. Крачковского, профессора С. И. Ковалева и ученого секретаря А. И. Болтуновой. Высказанная ранее учеными идея о подготовке исторического труда была здесь конкретизирована. Указав на то, что в Институте исто-

рии, Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Институте востоковедения и Институте литературы «уцелело от распыления большое количество высококвалифицированных историков различных специальностей», авторы письма просили горком партии, исполком Ленсовета и Военный совет Ленинградского фронта «поставить на обсуждение вопрос о целесообразности и своевременности организации общегородской комиссии по собиранию и предварительной обработке материалов по истории борьбы Ленинграда с бандами гитлеровских захватчиков». Обосновывая свое предложение, ученые писали: «Полная история великой освободительной войны, конечно, будет написана не сейчас и не сразу. Для этого нужны годы кропотливого собирания документального материала, его критической проверки и литературного оформления, но начинать эту работу необходимо сейчас же, немедленно, руками современников и участников войны, ибо только это гарантирует полноту и ценность собираемого материала» [5, с. 521].

Здесь очевидное сходство с задачами Комиссии Г. Ф. Александрова, которая была образована для собирания источников по истории обороны Москвы [1, с. 222]. К этому времени информация о московской Комиссии уже дошла и до Ленинграда.

Предложение И. Ю. Крачковского Я. Ф. Капустин переадресовал секретарю горкома партии по пропаганде и агитации Н. Д. Шумилу, который на письме сделал следующую помету: «Этот вопрос нами готовится на бюро ГК». В комментариях к этому документу, опубликованному в середине 1990-х гг. в сборнике «Ленинград в осаде», а затем в статье, посвященной созданию общегородской комиссии по сбору материалов для истории обороны Ленинграда, историк А. Р. Дзенискевич отметил, что вопрос на бюро весной обсуждать не стали, поскольку надо было бороться с последствиями страшного голода, готовить летнюю эвакуацию, завершать превращение Ленинграда в военный город [3, с. 133].

Вероятно, примерно в одно время с учеными с новой инициативой сохранения памяти о войне и блокаде выступили ленинградские писатели. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.) в фонде В. Кетлинской отложилась трехстраничная машинописная статья под названием «Осажденные города не сдаются» [14, л. 121–123]. Она не подписана и не датирована, но по упоминанию в тексте «семимесячной обороны города» ее можно отнести к марту 1942 г. Речь в статье идет о подготовке ленинградскими писателями книги о героической обороне городов от древности до наших дней: от Трои до Мадрида и Ленинграда. В заключительной главе авторы должны были «показать великий город, находящийся в непосредственной близости к месту боев и принимающий в этих боях непосредственное участие». Этой задачей определялся выбор объектов и действий: театр и штаб ПВО, детские ясли и строительство баррикад, занятия школьников в бомбоубежищах и работа научных учреждений, дежурства в домоуправлениях и борьба с ракетчиками, столовые и магазины... Сюжетное совпадение с несостоявшейся книгой «День осажденного Ленинграда» не удивительно, поскольку с большой долей вероятности можно утверждать, что либо авторы идеи были те же, либо она легла в основу нового проекта.

Видимо, судьба этого произведения подобна первому: сборник также не был издан.

Примечательно, что интерес к сбору и фиксации материала о жизни и деятельности блокированного города вновь возникает в разных учреждениях, и здесь, безусловно, не стоит искать общую документальную основу. Скорее это можно объяснить осознанием важности пережитого и потребностью сохранить пережитое для потомков. Март 1942 г. – еще «смертное время», но уже конец его.

Попытки ленинградских писателей, партийных работников, ученых осенью 1941 – весной 1942 г. получить поддержку у местных властей для сбора материалов и подготовки сборников и иных трудов по истории блокированного Ленинграда по разным причинам не увенчались успехом. Тем не менее весна 1942 г. стала точкой отсчета нового этапа, оказавшегося более эффективным, чем прежний.

В одном из архивных дел фонда 4000 ЦГАИПД СПб. сохранилось несколько писем Ленинградского института истории ВКП(б), датированных началом апреля 1942 г. и адресованных различным организациям: ряду райкомов партии, Лениздату, о предоставлении материалов, связанных с жизнью города в военное время. Суть этой просьбы раскрывается в письме военного отдела Ленгоркома партии в военный отдел Василеостровского райкома ВКП(б), в котором предлагалось «весь материал, характеризующий работу отдела в период Отечественной войны, выделять для Ленинградского института истории ВКП(б) по одному экземпляру. Вышеуказанные материалы нужны для создания летописи событий “Ленинград в Отечественной войне”. Сбор материалов и написание летописи горком партии поручил Ленинградскому институту истории ВКП(б)» [12, л. 5], сотрудники которого уже имели подобный опыт при подготовке трудов по истории революции 1917 г. Таким образом, не вынося вопрос на бюро, горком тем не менее оценил необходимость и важность такой работы. Трудно сказать, чем он руководствовался в данном случае. Возможно, письмо И. Ю. Крачковского сыграло свою роль. Но предпочтительнее другое предположение: либо по распоряжению из Москвы (какого органа, неизвестно), либо по собственному почину ленинградские партийные работники взяли за основу деятельность московской комиссии Г. Ф. Александрова.

В июне 1942 г. сотрудники Института истории партии получили более конкретное задание: создать «Хронику обороны Ленинграда» и сборник документов, но первой задачей оставался сбор материалов и документов. К августу 1942 г. было собрано 8000 экземпляров, главным образом печатной продукции, и определена методика составления хроники [4, с. 257].

Летом же появились районные комиссии для сбора материалов по истории войны. Одним из первых к работе приступил Кировский район. О создании комиссии при райкоме партии его работники объявили 13 июля на совещании политорганизаторов домохозяйств района. Комиссия выделила из своего состава рабочую группу, а на ряде предприятий и в учреждениях стали создаваться подкомиссии. Ленинградский институт истории назначил в каждый район своего сотрудника в качестве уполномоченного «по собиранию материала» [10, л. 19]. На базе же института предполагалось создать городскую комиссию. Привычная вертикальная структура позволяла охватить районные организации как по профессиональному признаку, так и (через домохозяйства) по территориальному.

«Что нам нужно в первую очередь? – ставил перед политорганизаторами вопрос научный сотрудник Института истории ВКП(б) Шариков. – Нужно собирать, накапливать материал, обобщать его. Мы должны сохранить и отчетный материал, и многотиражки, газетный материал, стенгазеты, листовки, протоколы, резолюции, плакаты, письма, дневники и т. д. и т. п.». Наряду с официальными документами историческую ценность представляли и воспоминания о недавнем времени, «когда все образы и картины живут в памяти людей», ибо такие рассказы «будут иметь меньше вымысла, так называемой “отсебятины”, будут более объективными и живыми» [10, л. 21]. Разнообразие видов исторических источников позволяло не ограничиваться хроникой, а приступить в перспективе к подготовке целого комплекса научных трудов по истории Ленинграда военных лет.

В конце лета – начале осени подобные комиссии появились как минимум еще в двух районах города. В Красногвардейском районе, помимо комиссии при райкоме ВКП(б), на предприятиях были созданы тройки, которые приступили к сбору материала о мобилизации, народном ополчении, строительстве оборонительных сооружений, шефстве над госпиталями и т. д. [7]. Члены комиссии в Петроградском районе взяли на себя собирание письменных источников в партийной, советской, научной, образовательной сферах, разработали подробные вопросы, касающиеся деятельности больниц, научных учреждений и вузов, мобилизации населения на оборону города [9, л. 1–4, 6–6 об., 9]. Не имея на первых порах подробных рекомендаций рабочей группы Института истории партии, ряд районных советских и партийных руководителей самостоятельно определял тематику и искал формы работы по сбору матери-

алов. Однако не во всех районах дело сразу пошло энергично. 22 декабря 1942 г. на совещании в Институте истории ВКП(б) отмечалось, что из 15 городских районов только в пяти приступили к накоплению документов. Собравшимся были розданы «памятка, классификация, инструкция по сбору материалов» [13, л. 13 об.], что должно было упорядочить и унифицировать работу.

Часть инструктивных материалов сотрудники Института истории партии еще осенью 1942 г. опробовали при стенографировании первых бесед с жителями блокированного города. Были записаны, в частности, рассказы доцента З. В. Оглоблиной и профессора Ю. М. Гефтера из Первого медицинского института, П. С. Сергеева, рабочего завода им. Калинина, сотрудников эвакуопункта Кобона-Лаврово.

В первые несколько месяцев после установления блокады Ленинграда в среде культурной и научной интеллигенции, среди районных партийных работников не раз возникали идеи о сборе материалов и подготовке литературных трудов по истории военного города. Возникшее без участия городского партийного и советского руководства, это стремление зафиксировать жизнь города в «смертное время» свидетельствовало об уверенности его инициаторов в победе. Планам не суждено было сбыться ни осенью 1941 г., ни весной 1942 г., прежде всего из-за общей тяжелой ситуации в Ленинграде. Тем не менее весной 1942 г. начинается новый этап, характерной чертой которого стала организация сети комиссий разного уровня с опорой на райкомы партии и под методическим руководством Ленинградского института истории ВКП(б). Их деятельность по накоплению документов о жизни блокированного (военного) города, начавшаяся летом 1942 г., заметно активизировалась с апреля 1943 г. после совместного постановления бюро обкома и горкома партии о сборе материалов и составлении хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков» и завершилась во второй половине 1940-х гг.

Литература

1. Архангородская Н. С., Курносков А. А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219–229.
2. Баженова Н. М. Комиссия по делам ленинградских академических учреждений (конец августа 1941 г. – 10 апреля 1942 г.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 530–570.
3. Дзенискевич А. Р. О создании общегородской комиссии по сбору материалов для истории обороны Ленинграда // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 1995. С. 129–139.
4. Лебедева Н. Б. Сотрудницы Ленинградского института истории партии и партархива в годы войны // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006.
5. Ленинград в осаде. СПб.: Лики России, 1995.
6. Ленинградская правда. 1941. 21 ноября.
7. Ленинградская правда. 1942. 30 июля.
8. Рахманов Л. Люди – народ интересный. Автобиографическая повесть. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1981. 495 с.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 1054.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 324.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-417. Оп. 3. Д. 72.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 1. Д. 129.

13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 124. Л. 13 об.

14. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 213.

A. N. Chistikov

(St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
[tchistikov@yandex.ru](mailto:chistikov@yandex.ru))

“We are living in interesting time...”:

The first attempts in collecting

of Leningrad’s siege documents in 1941 – 1942

Drawing on published and unpublished documents the author analyzes the first attempts in collecting of Leningrad’s siege documents in 1941–1942. The author concludes that the city administration didn’t initiate these proposals of the cultural, scientific intellectuals, regional partrabotnik in the fall of 1941 – spring of 1942. The plans didn’t manage to be implemented owing to the difficult situation in Leningrad. The new stage which characteristic feature was an organization of network of the commissions of different level begins spring of 1942. The commissions leaned on district committees of party and the Leningrad institute of history of the All-Union Communist Party (bolsheviks).

Key words: Great Patriotic War, Leningrad, blockade.

Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944)

Е. В. Ильин

(к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет, civi@mail.ru)

Т. В. Пономарёва

(к. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, tania54@inbox.ru)

Рассматриваются вопросы использования терминов «блокада» и «осада» Ленинграда на различных этапах ленинградской битвы в 1941–1944 гг. В их основе – количественные и качественные изменения положения населения, работе промышленности, усилении армии и флота, которые произошли после прорыва сухопутной блокады.

Ключевые слова: Ленинград, сухопутная блокада, операция «Искра», прорыв блокады, «Дорога Победы», артиллерийские обстрелы, осада.

8 сентября 1941 г. немецкие войска захватили Шлиссельбург. Эта дата принята в качестве начала сухопутной блокады Ленинграда. Заметим, железнодорожная связь города со страной была прервана 30 августа после захвата противником узловой станции Мга. Это позволяет нам удлинить блокаду на 10 дней. Отметим также, говоря о блокаде Ленинграда, мы имеем в виду сухопутную блокаду города. На это следует обратить особое внимание, прежде всего потому, что в средствах массовой информации говорят «о блокаде» вообще, и у молодого поколения складывается искаженное представление о ней, в частности, полной блокаде города.

Военная энциклопедия дает этому термину следующее определение: «Блокада, особая форма ведения военных действий, которая заключается в изоляции блокированного объекта путем нарушения его внешних связей» [9, с. 502]. Конечная цель блокады – разгром и овладение объектом блокады.

Блокада военная «не допускает или сводит до минимума подвоз (подход) подкреплений, доставку военной техники, средств материально-технического обеспечения, эвакуацию ценностей и способствует созданию условий для быстрого разгрома противника или принуждения его к капитуляции» [2, с. 425].

Блокаду подразделяют на полную и частичную. Блокада Ленинграда на всем ее протяжении была частичной, поскольку город сохранил связь с внешним миром по воздуху, а также по Ладожскому озеру, как в зимне-осенний, так и весенне-летний периоды времени.

После установления сухопутной блокады города ее прорыв стал делом первостепенной важности для войск Ленинградского, а потом и Волховского фронтов. В сентябре – октябре 1941 г. в Южном Приладожье были проведены две наступательные операции, которые завершились неудачей. Общие потери в них советских войск составили 54979 человек; Любанская наступательная операция, самая продолжительная (7.01.1942–30.04.1942) и самая расточительная по использованию живой силы, также завершилась неудачей. Общие потери составили 308376 человек. А вывод 2-й ударной армии из окружения (13.05.1942–10.07.1942) добавил еще 94751 человека; Третья Синявинская наступательная операция (19.07.1942–10.10.1942) тоже оказалась неудачной. Общие потери войск составили 113674 человек [3, с. 224, 225]. Таким образом, общие потери войск в операциях составили 571 780 человек, из них потеряно безвозвратно – 212 034 человека.

2 декабря 1942 г. Ставка ВГК утвердила план новой операции по прорыву сухопутной блокады Ленинграда, которая получила кодовое наименование «Искра». Волховскому и Ленинградскому фронтам ставилась задача разгромить группировку противника в районе

Липки, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург и, таким образом, «разбить» блокаду Ленинграда. В ходе ожесточенного сражения, продолжавшегося 7 дней, волховчане и ленинградцы прорвали оборону противника и соединились 18 января 1943 г. в районе Рабочих Поселков № 1 и 5. Сухопутная блокада Ленинграда, продолжавшаяся 498 суток, была прорвана, восстановлена сухопутная связь со страной.

«Я называю сражение беспримерным не случайно: в истории войн не было примера, чтобы войска осажденного, блокированного, подвергнутого длительной и ужаснейшей голодовке огромного города прорвали блокаду изнутри», – писал П. Лукницкий [7, с. 689]. Оставим без комментариев восторженное высказывание летописца ленинградской битвы, который находился под впечатлением от одержанной победы. Заметим только, прорыв едва ли бы был успешен силами только одного Ленинградского фронта. Свой весомый вклад в победу внес и Волховский фронт, который с момента своего создания (17.12.1941) рассматривался Ставкой ВГК как главная сила, призванная решить эту задачу. В ходе операции «Искра» общие потери войск двух фронтов составили 115082 человека, из них безвозвратные – 33 940 человек [3, с. 185].

Через «коридор» прорыва в рекордно короткие сроки была построена железная дорога (Шлиссельбург – Поляны), которая связала город по суше с Большой землей. В ночь на 6 февраля по этой дороге прошли первые поезда, доставившие в Ленинград продовольствие, боевую технику, боеприпасы. А 7 февраля состоялась торжественная встреча поезда с продовольствием, прибывшим на Финляндский вокзал. П. Лукницкий, описывая эти события, записал в своем дневнике: «Полегчало!..» [8, с. 13]. Действительно, воинам армии и флота, населению города стало легче. С 7 февраля по 30 декабря 1943 г. в Ленинград прибыло 3105 поездов, а из Ленинграда убыло 3076 поездов. Город получил по «Дороге Победы» 4 млн 442 тыс. тонн грузов. Эта сухопутная артерия работала в тяжелейших условиях постоянных вражеских обстрелов, бомбежек: 1200 раз разрушалось железнодорожное полотно, 28 раз – мосты, тяжелые потери в личном составе несли и железнодорожники [5, с. 51].

Прорыв сухопутной блокады Ленинграда, пуск железной дороги – «Дороги Победы» – имели огромное военно-политическое значение: 1) рухнул план уничтожить ленинградцев голодом, артиллерией и авиацией; 2) инициатива перешла к советскому командованию; 3) город стал получать пополнения, вооружения, боеприпасы, продовольствие, топливо с Большой земли в гораздо больших объемах, чем прежде; 4) город получил возможность в больших масштабах организовать производство вооружений, боеприпасов.

Все это говорит о том, что положение Ленинграда изменилось. Прорыв сухопутной блокады самым благотворным образом отразился на жизни населения. С 22 февраля 1943 г. ленинградцы стали получать продовольствие по нормам, установленным для крупнейших промышленных центров страны. Работники оборонных предприятий, металлургических цехов стали получать по 700 г хлеба в день, рабочие других предприятий – 600, служащие – 500, дети и иждивенцы – 400 г. Были увеличены нормы снабжения и другими видами продуктов питания.

Действующая армия и флот получили возможность своевременно и в нужных количествах получать пополнения и вооружение. Так, накануне операции «Нева-2» Ленинградский фронт насчитывал 417 600 человек (без 23-й армии), в то время как Волховский фронт – 260000 человек, годом ранее, при проведении операции «Искра», 67-я армия Ленинградского фронта насчитывала 130780 человек, Волховского (2-я Ударная и 8-я армии) – 166 500 человек [3, с. 199, 184–185].

Почти все предприятия города, сохранившие оборудование, возобновили работу по обеспечению нужд фронта. К концу 1943 г. работало 186 крупных предприятий. А промышленность города выпускала летом свыше 400 видов вооружения, боеприпасов, снаряжения для фронта. Военная продукция, выпускаемая в городе, использовалась не только на Ленинград-

ском фронте, но и на других фронтах. Конечно, трудности были громадны, прежде всего сырье, топливо, кадры. Враг попытался парализовать работу предприятий города с помощью систематических артиллерийских обстрелов. Самый сильный за всю войну артобстрел произошел 17 июля, когда на территории города разорвалось свыше двух тысяч снарядов. Были убиты 210 и ранены 920 человек [6, с. 232]. Важнейшей задачей промышленности являлось обеспечение войск боеприпасами. С III квартала 1943 г. ленинградская промышленность перешла на выпуск снарядов и мин только среднего и крупного калибров. Задача по обеспечению войск боеприпасами была решена в конце 1943 г.

С лета 1943 г. промышленность стала уделять все большее внимание производству сугубо гражданской, мирной продукции, необходимой не только городу, но и стране в целом: моторы, турбины, генераторы, оборудование для электростанций... Это оборудование отправлялось для восстановления шахт Донбасса, Сталинграда, других регионов, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. Стал разрабатываться план восстановления Ленинграда, приступить к решению этой задачи планировалось в 1944 г.

Таким образом, говорить о блокаде Ленинграда после событий 18 января едва ли в научном плане точно. Говорить о прорыве блокады и одновременно о продолжении ее – нонсенс. Мы предлагаем оперировать иным термином – осада. Командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров, подводя итоги операции «Искра», писал: «Проведенная операция ясно и наглядно показала, что задача полного освобождения города Ленинграда от немецкой осады, задача окончательного разгрома врага у стен родного города нашим войскам по плечу» [6, с. 352].

«Осада (ист.), способ ведения военных действий по овладению крепостью (укрепленным городом) или другим пунктом крепостного типа. Осада заключалась в обложении (окружении) крепости войсками, возведении вокруг нее одной-двух линий осадных укреплений <...> и в проведении атак, которые обычно завершались штурмом крепости <...>» [10, с. 130]. И вот здесь отметим принципиальный момент: «В ряде случаев осада принимала форму блокады: осаждающие выжидали, пока в крепости иссякнут запасы продовольствия, воды и ее защитники вследствие голода, болезней и морального изнурения прекратят сопротивление и капитулируют» [10, с. 130]. Как отмечалось нами ранее, после 18 января положение Ленинграда изменилось, блокада города была прорвана. Поэтому в научном плане более уместно оперировать термином «осада».

Нельзя не согласиться с авторами книги «Семь январских дней», которые отмечали, что после прорыва блокады «Ленинград продолжал оставаться прифронтовым городом, подвергавшимся артиллерийским обстрелам врага» [4, с. 69].

«Осада длится, тяжкая осада, / Не виданная ни в одной войне. / Медаль “За оборону Ленинграда” / Сегодня Родина вручает мне. <...> Война еще идет, еще – осада», – писала О. Берггольц 3 июня 1943 г. в стихотворении «Моя медаль» [1, с. 58].

Город по-прежнему оставался городом-фронтом, враг усилил его обстрелы, не отказался и от реванша. Но планы врага реализованы не были. Активная деятельность Волховского и Ленинградского фронтов в зимне-осенний период 1943 г., в ходе которого были проведены ряд межфронтовых и фронтовых наступательных операций, не позволила командованию группы армий «Север» подготовить здесь наступление. А кардинальное изменение ситуации на советско-германском фронте в пользу Красной армии сделало невозможным проведение крупных наступательных операций.

В январе 1944 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление, в ходе которого фланговым группировкам противника было нанесено тяжелое поражение. 21 января Военный совет Ленинградского фронта обратился к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину с предложением произвести салют в честь одержанной победы 27 января в Ленинграде. В этот день Красная армия освободила город и железнодорожный узел Мга, к

которому с осени 1941 г. стремились советские войска. 24 января были освобождены Пушкин и Павловск, 26 – Гатчина и Тосно... К концу января враг был отброшен от Ленинграда на 60-100 км. Осада Ленинграда, продолжавшаяся почти 900 дней, была снята.

Литература

1. Берггольц О. Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. 224 с.
2. Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 18. 632 с.
3. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Военное изд-во, 1993. 415 с.
4. Жеребов Д. К., Соломахин И. И. Семь январских дней. Прорыв блокады Ленинграда 12–18 января 1943 г. Л.: Лениздат, 1987. 77 с.
5. Здесь вся земля музей. / Отв. ред. И. Н. Стоян. СПб., 2010. 112 с.
6. Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944 / Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Ланс, 1994. 352 с.
7. Лукницкий П. Н. Ленинград действует... М.: Советский писатель, 1964. Кн. 2. 728 с.
8. Лукницкий П. Н. Ленинград действует. М.: Советский писатель, 1968. Кн. 3. 760 с.
9. Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Пред. гл. ред. комиссии А. А. Гречко. М.: Воениздат, 1976. Т. 1. 640 с.
10. Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Пред. гл. ред. комиссии А. А. Гречко. М.: Воениздат, 1978. Т. 6. 671 с.

E. V. Il'in

(St. Petersburg State University, Candidate of History,
Associate Professor, civi@mail.ru)

T. V. Ponomareva

(St. Petersburg State University, Candidate of Philology, Associate Professor,
tania54@inbox.ru)

On the use of terms *blockada* and *osada* in the study of Leningrad defense issues (1941–1944)

In this article, questions about use of terms “blockade” and “siege” of Leningrad during various stages of battle for Leningrad are considered. They are based on quantitative and qualitative changes in state of population, industrial work, reinforcement of army and fleet, which happened after land blockade running.

Key words: Postage stamp, blockade of Leningrad, defense of Leningrad, medal for the defense of Leningrad, Hero City, philately.

Когда началась эвакуация? Перемещение ленинградских танковых заводов на Урал летом – осенью 1941 г.¹

Н. Н. Мельников

(к. и. н., доцент, Институт истории и археологии УрО РАН, meln2011kit@gmail.com)

Рассматриваются управленческие решения первых дней войны и последующего периода, направленные на процесс дальнейшего развития танкостроительного комплекса СССР. Делается вывод о том, что в самом начале Великой Отечественной войны ленинградские танковые заводы начали перемещаться на восток в рамках решения создать на Урале новый центр танкостроения. Эвакуационные мероприятия начались гораздо позже, только в конце лета – начале осени 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экономика, эвакуация, танкостроение, промышленность.

В первые дни Великой Отечественной войны советское руководство приняло ряд решений, имевших большое влияние на последующие события. Среди них были постановления о переброске части мощностей ленинградских предприятий на Урал, для организации на востоке нового центра по производству тяжелых танков. Традиционно в отечественной историографии процесс перемещения ленинградских мощностей на Урал называется «эвакуацией». Однако с этим трудно согласиться. Во-первых, указанные постановления начали выходить буквально на третий-четвертый день войны. То есть в период, когда дальнейшие катастрофические последствия на фронте еще не были очевидны. Во-вторых, сама логика решений и тексты документов в качестве основной и единственной задачи ставят не спасение ленинградских заводов от вероятного удара противника, а создание уральского танкостроения, в том числе за счет перемещенных мощностей.

24-25 июня 1941 г. было выпущено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об организации новой базы по производству брони и танков КВ». С этого момента в систему танковой промышленности, кроме Челябинского тракторного завода (ЧТЗ с переменным успехом пытался организовать выпуск танков КВ еще с 1940 г.), включались предприятия Урала и Сибири, что означало формирование в стране нового комплекса предприятий танкостроения. В первой части постановления содержалось предписание немедленно организовать броневой прокат на Кузнецком и Новотажильском заводах. Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) должен был сделать это, основываясь только на своих мощностях. На площадку Новотажильского металлургического завода (НТМЗ) в экстренном порядке необходимо было вывезти броневой стан с Кировского завода [25]. Оборудование начало демонтироваться 25 июня 1941 г., и полностью оно прибыло в Нижний Тагил 18 августа 1941 г. [19].

2 июля вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) о «перевосе» броневоса стана Мариупольского завода им. Ильича на Магнитогорский металлургический завод (ММК). В течение июля – августа 1941 г. ММК должен был подготовить производственную площадку, принять стан и к 5 сентября запустить бронепрокатное производство [1]. Переброшенное из Мариуполя оборудование, вследствие задержки в дороге, начало монтироваться на ММК в конце лета 1941 г. и вступило в строй только в октябре того же года [14].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00050.

Броневого лист металлургических предприятий предназначался для Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ, или Уралмаш) и челябинского завода № 78 Наркомата боеприпасов (НКБ), на которых разворачивалось бронекорпусное производство.

Следующим шагом стало решение о создании на свердловском Уральском турбинном заводе производства танковых дизелей В-2 [11; 13]. Для обеспечения этой программы на Уралтурбозавод были переброшены авиадизельный цех Кировского завода и работники моторного завода № 75 НКСМ. Устанавливался план выпуска мотора В-2 на IV квартал 1941 г. – 500 штук [15]. Передислокация авиадизельных мощностей Кировского завода была санкционирована постановлением СНК от 29 июня 1941 г. [20]. Закончить перемещение необходимо было к 15 июля, монтаж оборудования – к 10 августа, а с сентября начать выпуск моторов. Подобным образом развивалось производство в Сталинграде. В начале июля 1941 г. на площадку СТЗ перемещалось авиадизельное производство Харьковского тракторного завода [21].

Уральский турбинный завод не имел собственной заготовительной базы для литейного производства нового вида продукции. В порядке кооперации УЗТМ должен был осуществлять для него термообработку деталей, большую часть литья, производство поковок и штамповок дизельного двигателя. Для этого на УЗТМ перемещался цех цветного литья Кировского завода [12; 15].

В отечественной литературе процесс переброски танковых и кооперирующих с ними мощностей на восток в конце июня – начале июля 1941 г. традиционно рассматривается в рамках эвакуации промышленных предприятий. Эта точка зрения укоренилась еще в советский период: в двух наиболее крупных советских работах («История Великой Отечественной войны Советского Союза» и «История Второй мировой войны») термины «переброска», «вывоз» и «эвакуация» применительно к перемещению мощностей Кировского и Мариупольского заводов в обозначенный период используются как синонимы [17, с. 141; 18, с. 137].

На современном этапе развития историографии данная традиция была продолжена. Н. С. Симонов процесс эвакуации промышленных предприятий (в том числе танковых) начинает летними месяцами 1941 г. [26, с. 141]. А. Ю. Ермолов перемещение мощностей Кировского завода в Свердловск в первые дни войны приводит как пример успешной эвакуации танковых предприятий [16, с. 23–24]. Примерно в таких же рамках идут рассуждения в коллективной монографии «Экономический фундамент Победы» [27, с. 101].

В постановлениях СНК и приказах наркоматов, датированных концом июня – началом июля 1941 г. и санкционирующих переброску оборудования и кадров на Урал, слово «эвакуация» первоначально не использовалось. Из их текста напрямую следует, что цель перемещений – это создание новых производств на востоке страны, а не спасение «старых» предприятий от возможного захвата противником. Справедливости ради нужно отметить, что впоследствии термин «эвакуация» стал фигурировать в делопроизводственной документации. В частности, в своем приказе от 7 июля 1941 г. В. А. Малышев использовал слова «эвакуация» и «эвакуированный» относительно мощностей Кировского завода, которые к тому моменту уже находились в процессе транзита в Свердловск [21]. Но в данном контексте эти термины были применены скорее как синонимы «перевода» и «переброски».

Под эвакуацией в данном случае необходимо понимать заблаговременный вывоз промышленных мощностей и работников предприятий из районов, находящихся под угрозой нападения противника. Вопрос о частичной или полной эвакуации основных танковых предприятий в первые дни войны не мог стоять на повестке дня, т. к. на данном этапе угрозы им еще не существовало. Следовательно, восточное танкостроение на этом этапе продолжало развиваться в рамках создания самостоятельных танкостроительных центров, которые должны были действовать параллельно с западными предприятиями.

В течение первых месяцев войны внутри властной советской верхушки происходила серьезная дискуссия по вопросу возможного перемещения мощностей западных военных

предприятий на восток в случае создания угрозы захвата территории противником. Сам факт этой дискуссии указывает на то, что единого решения по поводу мест эвакуации и четкого плана перемещения ведущих предприятий страны не было. Точнее будет сказать, что планы все же существовали, но промышленная эвакуация танковой промышленности была реализована совершенно по-другому.

Наркомат среднего машиностроения (НКСМ) в лице заместителя наркома С. А. Акопова в конце июля 1941 г. предлагал советскому правительству разделить ленинградский завод № 174 НКСМ на две части (в тот момент завод осваивал производство нового легкого танка Т-50). Одну отправить в Москву на завод № 37 НКСМ для организации там выпуска Т-50, а вторую – ЧТЗ для дальнейшего развития производства тяжелого танка КВ [7]. Но предложение в таком виде принято не было.

Уралвагонзавод в Нижнем Тагиле был определен как база для размещения заводов № 120, 380 и 381 Наркомата авиационной промышленности. Нарком среднего машиностроения В. А. Малышев в начале июля доказывал, что площадку УВЗ необходимо использовать для артиллерийского и танкового производства ленинградского Кировского завода. Нарком считал, что размещение авиационных заводов не позволит полностью загрузить мощности нижнетагильского предприятия [5; 6].

11 июля 1941 г. частично эти предложения были поддержаны решением ГКО. ЧТЗ определялся как база для размещения ленинградского завода № 174 НКСМ, который должен был переводиться в Челябинск целиком. Был составлен план эвакуации в две очереди и определено общее количество вагонов для перевозки. Тогда же появился план эвакуации Кировского завода на площадку нижнетагильского УВЗ, но какой-либо даты ее начала не существовало. Решение о начале эвакуационных мероприятий на Кировском заводе должно было поступить «по особому указанию» [9].

Но вскоре В. А. Малышев поменял свое отношение к переводу завода № 174. В конце июля – начале августа нарком стал доказывать И. В. Сталину и его окружению, что завод № 174 НКСМ необходимо переводить на другую площадку – на паровозоремонтный завод в Чкалове (Оренбурге). С ним был в корне не согласен заместитель наркома путей сообщений Б. Н. Арутюнов, поскольку ориентация чкаловского завода на танковое производство неизбежно приведет к общему сокращению промышленных площадок для ремонта локомотивов [4].

В итоге 19 августа В. А. Малышевым на основании решения Совета по эвакуации был подписан приказ о «немедленной» эвакуации завода № 174 НКСМ в Челябинск [22]. С конца августа 1941 г. начинается переброска первой очереди производства легких танков этого предприятия. Одновременно на ЧТЗ выехала часть бронекорпусного производства Ижорского завода, занятая в изготовлении корпусов Т-50 [10]. Несколько раньше на УВЗ ушла первая очередь мощностей Кировского завода (30 августа в Нижний Тагил прибыло 440 вагонов с людьми и оборудованием) [2].

Но уже в начале осени эти планы советского руководства были подвергнуты серьезному изменению. Активное наступление противника на Украине создало угрозу потери всего промышленного потенциала на юге страны. Резко встал вопрос об эвакуации танковых и кооперирующих с ними заводов восточно-украинского региона, и главное – это определение базы для перемещения основного предприятия страны по производству среднего танка Т-34 – Харьковского паровозостроительного завода № 183 им. Коминтерна. Для его размещения требовалось 85 тыс. кв. м площадей. Но на востоке уже не осталось свободной промышленной площадки, способной вместить такое мощное производство [2]. Поэтому выход был только один – пересматривать ранее принятые решения.

Фактически единственным предприятием на востоке страны, которое могло бы вместить намеченные для эвакуации мощности ХПЗ, был Уралвагонзавод. В авральном порядке все составы с первой очередью Кировского завода были переправлены на другие предприятия,

прежде всего на площадку ЧТЗ. Но тут возникла проблема размещения завода № 174, для которого просто не осталось места в Челябинске.

В этот момент эвакуируемые мощности первой очереди завода № 174 находились в пути и проезжали Средний Урал. 6 сентября первые три маршрута уже прошли Свердловск, остальные располагались в районе Молотова (Перми) [3]. ЧТЗ больше не мог размещать у себя производство легких танков, и завод № 174, как того и хотел В. А. Малышев, был перенаправлен в Чкалов. Бронекорпусное производство Т-50 Ижорского завода было направлено на Саратовский вагоноремонтный завод. Перемещаемые грузы стали поступать в Чкалов и Саратов в первой половине сентября [23]. Так на востоке страны стала формироваться новая база по производству легких танков сопровождения пехоты.

В середине сентября 1941 г. началась эвакуация украинских танковых и кооперирующих с ними предприятий. Эвакуация большей части мощностей заводов ленинградского танкового центра началась в первых числах октября 1941 г. По решению СНК СССР от 4 октября танковое производство Кировского завода вместе с кадрами эвакуировалось на ЧТЗ, а производство танковых пушек – на УЗТМ. Бронекорпусное производство КВ Ижорского завода переводилось на Уралмаш, и челябинский завод № 78 НКБ, оставшаяся часть корпусного производства Т-50, – на Куйбышевский завод Особстроя НКВД, производство броневых автомобилей – на Саратовский вагоноремонтный завод. Оставшаяся часть завода № 174 полностью эвакуировалась в Чкалов [24].

Следовательно, эвакуация ленинградских танковых мощностей на Урал началась только в конце августа 1941 г. Она развивалась в достаточно спокойной обстановке, но завершилась уже в условиях постоянного воздействия противника.

Литература

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-5446сч. Оп. 106с. Д. 22. Л. 1.
2. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.
3. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 118. Л. 9.
4. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 175. Л. 12–15.
5. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 175. Л. 1–2.
6. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 175. Л. 5–6.
7. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 212. Л. 26.
8. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 214. Л. 5.
9. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 441. Л. 3.
10. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 201 г.
11. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 97.
12. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 105.
13. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 108.
14. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 118.
15. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 122.
16. Ермолов А. Ю. Эвакуация предприятий советской танковой промышленности в 1941 г.: уникальное историческое явление или масштабная неудача? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 22–35.
17. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне. М.: Воениздат, 1961. 688 с.
18. История Второй мировой войны. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М.: Воениздат, 1975. 536 с.
19. Нижнетагильский городской исторический архив. Ф. 196. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 82. Л. 146–147.

21. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 82. Л. 311–321.

22. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 86. Л. 30.

23. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 3. Л. 1–2.

24. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 3. Л. 32–34.

25. РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 1. Д. 99. Л. 171.

26. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

27. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности: монография / Под общ. ред. И. В. Караваевой. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2015. 344 с.

N. N. Melnikov

(Institute of History and Archaeology Ural Branch of RAS, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, meln2011kit@gmail.com)

When did the evacuation start?

Moving Leningrad tank factories in the Urals in the summer – autumn 1941

Management decisions of the initial period of the war influenced the development of the Soviet tank industry. It is concluded that at the beginning of the great Patriotic war, the Leningrad tank factories began to move to the East to create a new tank building center in the Urals. Evacuation began in late summer/early autumn 1941.

Key words: Great Patriotic war, economy, evacuation, tank industry, industry.

1941 год. Промышленное производство до и после начала блокады: цели, способы, эффективность

А. М. Рябков

(специалист-исследователь; Европейский университет в Санкт-Петербурге, научный сотрудник, АО «Центр выставочных и музейных проектов», andrejryabkov@yandex.ru)

Рассматриваются факторы, влиявшие на качество и темпы освоения и выпуска продукции ленинградскими промышленными предприятиями в довоенный, военный и блокадный периоды.

Ключевые слова: промышленное производство, блокада, Великая Отечественная война, управление производством.

Промышленное производство Советского Союза в 3-й пятилетке велось нарастающими темпами. Ленинграду, крупнейшему индустриальному региону страны, в условиях начавшейся Второй мировой войны закономерно отводилась роль арсенала, производившего широкий спектр вооружений и военной техники: боевые корабли, подводные лодки, торпеды, морские и сухопутные артиллерийские орудия, минометы, боеприпасы для них, танки, самолеты, авиационные и судовые двигатели, системы управления огнем, радиолокационные станции, средства связи. Предприятия легкой промышленности изготавливали униформу, обувь, кожаную амуницию для пехоты и кавалерии.

Широкой сырьевой базой Ленинград и Ленинградская область не располагали – ближайшим крупным предприятием по переработке полезных ископаемых был Волховский алюминиевый завод. Сырье для черной и цветной металлургии завозилось из южных и восточных районов СССР. То же относилось и к топливу – донецкому углю и мазуту. Мощности действующих городских электростанций не хватало, что привело к кризису электроснабжения в период советско-финляндской войны [1].

Управлением промышленностью де-юре занимались профильные наркоматы, но де-факто широкий круг управленческих вопросов оставался в ведении райкомов и горкома ВКП(б). Горком, по устоявшейся практике, мог давать предприятиям внеплановые задания, чем вносил в их деятельность элемент неопределенности.

Как и в прежние годы, в 1941 г. руководству Ленинграда приходилось решать множество задач, возникавших в процессе развертывания новых производств и расширения их кадровой базы. Параллельно с этим необходимо было наращивать выпуск уже освоенных изделий, бороться «за культуру производства» и «за качество готовой продукции».

Зачастую достижение одной цели происходило в ущерб остальным. Так, решение главной задачи – «увеличение объемов выпуска», на ограниченном парке станочного оборудования оборачивалось неизбежными нарушениями технологических режимов и вызывало появление систематического брака.

Ярким примером, имевшим общесоюзный резонанс [2], было снижение качества изготовления автопокрышек на Ленинградском шинном заводе. В отчете о работе химической промышленности ГК ВКП(б) от 24 мая 1941 г. говорилось:

«...в погоне за увеличением количественного выпуска продукции допустили ухудшение качества автопокрышек. На [Шинном] заводе извратили Стахановское движение, которое развивалось в отрыве от качества продукции. В спешке часто допускалась небрежная сборка покрышек, многие из них вместо 20–30 тыс. км гарантийного пробега разваливались на пятой-десятой тысяче километров...» [3].

Сопутствующим фактором было несовершенство системы контроля качества. Например, в докладной записке секретаря ГК М. А. Длугача от 16 мая 1941 г. констатировалось, что

на Кировском заводе *«в! сталепрокатном цехе нет необходимых травильных и зачистных средств! для выявления и удаления дефектов! мартенов! – ских слитков, вследствие чего много проката идет вторым сортом, из-за чего он не может быть использован по заказам.»* [4].

Схожей проблемой, также в масштабах всей страны, был брак по литью черных и цветных металлов. Пористость и раковины в отливках, открывавшиеся в процессе дальнейшей механической обработки заготовок на заводах-смежниках, помимо прямых издержек на повторное изготовление отливок, приводили к дополнительным затратам на транспортировку и срывали сроки сдачи готовых изделий [5].

Значимой причиной появления брака был невысокий в среднем культурный уровень рабочих, вербовка которых велась из числа жителей сельской местности (т. н. «взрослое ученичество»), не имевших ранее опыта работы с техникой и навыков «уважительного» с ней обращения.

Даже элементарная чистота в цехах была в отдельных случаях труднодостижимым идеалом. *«Подсчитано, что на заводе “Красный Треугольник” 5 % всей продукции попадает во 2-е и 3-и сорта из-за грязи в цехах, а на “Ишном” заводе 20 % камер идут во 2-й и 3-й сорт из-за так называемых “посторонних включений”»,* – отмечал секретарь ГК ВКП(б) М. А. Длугач в своем докладе «О практике работы отдела машиностроения ЛГК ВКП(б) и некоторых недостатках в работе промышленности...» от 2 февраля 1941 г. [6].

Еще одной причиной появления брака или снижения потребительских качеств готовой продукции являлось использование заменителей или сырья с пониженными полезными свойствами. Связано это было как с ограничениями по использованию импортных материалов (некоторые металлы, в частности олово; натуральный каучук; шеллак), так и с несовершенством технологий отдельных отечественных предприятий – поставщиков полуфабрикатов.

Отдельно следует выделить «организационные вопросы» при подготовке производства. Существенным фактором, влиявшим на темпы освоения новых изделий, была боязнь ответственных лиц понести наказание за возможную неудачу при их внедрении и быть обвиненными во вредительстве. Следствием этого стало удлинение цепочек прохождения проектно-конструкторской документации за счет множества надзорных и согласовывающих инстанций.

Осложняла деятельность промышленных предприятий и невысокая эффективность межзаводской кооперации, т. к. субподрядчики не отвечали за срыв сроков поставки и комплектность изделий. Об этом, например, говорилось в проекте постановления горкома от 5 февраля 1941 г. [7].

Начало Великой Отечественной войны не стало для ленинградской промышленности дестабилизирующим, «шоковым» фактором. Менее двух лет назад, в период советско-финляндской войны, предприятия города получили опыт работы в прифронтовых условиях, при затемнении, в режиме экономии электроэнергии и перестройки производства под срочные военные заказы. Однако общий ход новой войны внес в их деятельность неожиданные коррективы.

В первые же месяцы боевых действий кораблестроительная, авиастроительная и танковая [8] программы в Ленинграде были свернуты, соответствующие предприятия подлежали эвакуации или перепрофилированию. Освободившиеся площади и персонал в подавляющем большинстве случаев использовались для организации производства боеприпасов, противотанковых и противопехотных мин, ручных гранат. Особое внимание уделялось реактивным снарядам М-13 и М-8, выпуск которых осваивался уже после 22 июня. Новым заданием для ленинградских заводов стало изготовление стрелкового оружия [9].

Практически каждое предприятие с началом войны в своем отчете рапортовало о том, что нашло возможность интенсифицировать множество ранее действовавших технологических процессов. Это говорит о том, что довоенные технологии на ленинградских заводах были

далеки от оптимальных. Едва ли не единственным руководителем, не поставившим себе в заслугу проведение вынужденной войной оптимизации производства, оказался директор Проволочно-канатного завода им. Молотова А. А. Нодельман [10].

Военная обстановка способствовала смелому внедрению новых техпроцессов, но начал действовать и отрицательный момент, связанный с использованием суррогатов. Вынужденная замена материалов вела к ухудшению качеств (характеристик) готовой продукции.

К актуальным с довоенного периода организационным вопросам добавились:

1. Появление дополнительного звена управления промышленностью – Военного совета фронта (Северного, позднее – Ленинградского). Производственные задания от Военного совета фронта имели высокий приоритет и зачастую вступали в противоречие с заданиями наркоматов и горкома [11].

2. Несоответствие мобилизационных планов (в случае их наличия) действительной военной обстановке. Этот недостаток во многом был нивелирован возникшей необходимостью проведения эвакуации ключевых предприятий в глубь страны и кардинальной перестройкой деятельности заводов и фабрик, оставшихся в Ленинграде, на выпуск военной продукции.

В результате создание новых технологических цепочек взамен разрушенных стало закономерным и в некоторой степени плановым явлением, поскольку с началом войны схема межзаводской кооперации получила еще больший размах. Производство комплектующих для одного изделия могло быть распределено по нескольким десяткам предприятий. Так, *«полковую пушку выпускали 60 заводов при одном сборочном»* [12].

Как и в мирное время, недопоставка одним из предприятий своей номенклатуры могла приводить к затормаживанию или остановке всей цепочки и во многом обесценивала труд остальных заводов.

В качестве управленческой ошибки «широкая кооперация» горкомом признана не была, хотя с уровня директоров предприятий указывалось на порочность подобной идеи. Из отчета завода № 4 им. Калинина: *«Необходимо отметить, что круг кооперированных предприятий по изделиям М-13 и М-8 был чрезвычайно расширен. Каждый завод или предприятие изготавливало только по одной – максимум две детали. Ненормальная работа привлеченных маломощных, неподготовленных и необеспеченных предприятий (Ремесленных училищ, предприятий Ленгорпромсовета и Ленгорместпрома) тормозила сборку снарядов. Неравномерная подача готовых деталей создавала, с одной стороны, простои, а с другой – заторивание и омертвление оборотных средств...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.